

пустынно (Гоби) и, заманивая, изматывать ханьские войска, а затем, когда усталость их дойдет до предела, нападать на них. ...Шаньюй последовал его совету" [Сыма Цянь, гл. 110, с. 1040, л. 236; ср. Таскин, 1968, с. 53]. Резиденция шаньюя была перенесена на север от Гоби (в Хангай), а резиденцией "второго лица" стаа "городок" (чэн "стена"; в данном случае поселение – ставка кочевого владетеля, обнесенная земляным валом-стеной) его имени у горы Тянь-янь в южной части Хантая [Лидай, I, с. 54; Таскин, 1968, с. 54, 91; иначе: Мавлякин, 1989, с. 120]. Название Тянь-янь – не транскрипция, а китайский перевод юэчжйского слова, значащего "полный лик (Лунь)" и равнопорядкового с юэчжи "род нефрита/яшмы" (символа Лунь), юэчжи "род Лунь" и нюэчжи "род Быка" (символа нарождающейся Лунь).

В первых столетиях н. э. начинается активный и повсеместный процесс тюркизации степного населения Центральной Азии. Меняется его этноязыковой облик, но в силу сохранения тех же условий окружающей среды и способа хозяйственной деятельности, мировоззренческая картина не могла измениться кардинально. Часть космогонических символов обрела тюркские обозначения, другая сохранила прежние. И это при том неоспоримом факте, что тюркская этнокультурная среда не могла не наполнить их новым или обновленным содержанием.

Прежде всего, это термин *уйгур*, в котором основа *uɣ/ud* "бык" восходит к обозначению нарождающейся (второй) Лунь. Западнотохарское название быка оксо сохранилось в обозначении *oɣuz* (~*öküz*) и конфедерации тюрков-огузов. О их "лунном" происхождении говорится в уйгурском варианте "Огузнаме": "Однажды озарились глаза Ай/Луна-каган и она родила сына (скажет изображение быка)". Его звали Огуз, он и стал царем уйгуров. Хорошо известен миф о рождении предка уйгуров Буку ("Бык") в дупле дерева. Космическое дерево – это Мечный путь, в "дупле" (развилке) которого нарождается

ся новая луна. "Царским" племенем древних уйгуров было Йагалакар. Его основа *jaɣla* "масло" восходит к древнейшему ритуалу смазывать рога быка маслом или наносить на их кончики масляные шарики перед пахотой или случкой в надежде на обильный урожай и хорошее потомство.

В уйгуро-тибетском дорожнике IX в. упоминается племя *Ni-dog-kas* [Васот, 1956, с. 147]. Это *iduɣ-qaɣ* "священный белый нефрит/яшма", наследник юэчжи "рода Нефрита" ути. Рядом с ним располагалось племя во главе с сильным предводителем *Ni-kil-rtog-hir-kin* (*igil kil-ikin*). В китайских источниках они были известны в написании *сицзе* (<*uei-kiet < igil*). В середине VII в. они отмечены на северном берегу реки Хэмыньчжи (<*хок-пен-сие* < **heɣleɲ*, **keɣliɲi*) т. е. Река, которой поклонялись как обильной повозке Кегден [Ван Пу, гл. 72, с. 1307]. В тексте памятника уйгурскому Эдметши-кагану "народ-игиль" обозначен как принявший манихейское вероисповедание, и поэтому его название снабжено детерминативом *qata* ("Тьма") (*qata igil bodin*; МШУ, 14). Это огузские наследники тохарских *уцзе* – "аутов".

Название Куян (Цзюйянь) и Тянь-янь "Полный лик (Лунь)" обнаруживаются в огузской среде на склонах Большого Хингана. Значительная группа хинганских огузов получила в китайских источниках обозначение S2690 си "ливень", "поток", иначе S2658, 2690 бай-си "белый ливень/поток". Так называлась целая группа племен, главным религиозным символом которых был "Белый поток" Мечного пути (Куян). О происхождении Серебряной (~Белой) реки – Мечного пути Иньхэ как потока расскаывается в тропательном космогоническом мифе о волопасе Ньюлане и ткачихе Чжинной. У богини Си-ван-му, жившей в отрогах Куньлуня, иногда отождествляемых с юэчжйскими горами Цилинь/Кегден, на берегу земной Серебряной реки Иньхэ жила внучка ткачиха Чжинной, ткавшая шелком легкие облака. На другом берегу реки жила одинокий волопас Ньюлан, страстно влюбленный в ткачиху-

богину. Исторически переправляясь через реку, волопас сделал однажды так, что она стала его женой. Узнав о браке простого пастуха с ее внучкой, Си-ван-му пришла в ярость. Дабы прекратить любовные свидания молодых, она перенесла Серебряную реку на небо и провела по ней золотой шпилькой из своих волос. Спокойная гладь этой реки превратилась в *непроездимый бурный поток*. Разлученные волопас и ткачиха так страдали, что превратились в созвездия Волопас и Ткачиха на разных берегах Серебряной реки – Млечного пути. Верный Волопас до сих пор не потерял надежды на встречу с возлюбленной. Чтобы осушить Серебряную реку и перейти на другой берег, он каждую ночь тщетно пытается вычерпать из нее воду своим ковшом [Юань Кэ, 1987, 108–110; ср. Сыма Цянь, 1986, с. 274].

Возможно так же звучал этот прекрасный миф о Млечном пути Куян (*кит.* Цзюйнь) среди юэцжи. У тюрков и монголов он обрел несколько новых черт, но сущность *куян/киан* осталась прежней, т. к. впоследствии эпоним Куян стал именем мифического родоначальника “мечнопутиков”-кыпчаков. Местожительство этих племен были отдельные территории от Забайкалья [Дэн Чжунмянь, 1958, с. 751] до бассейна реки Шара-мурэн (Силью-хэ) в южной части Большого Хингана, называвшегося разными именами: Цзиньвай-шань (Золотистые горы), Алулукан (в том же значении), Цзинь-шань (Золотые горы), Караун-чидун (Черная повозка), Ан-син (Холодный перевал; *монг.* Куйтен) и т. д. Из-за своей отдаленности этот регион очень слабо обеспечен информацией, поэтому сведения об одной части бай-си подчас переносились на другую. Это привело к путанице, которой немало постосуществовали и современные исследователи от китайских и японских до европейских и российских. В ходе танского районирования ставших вассальными земель только что разгромленного каганата Се-яньто в середине VII в. территории этих племен были названы “окрутами” (*чжоу*). “Округ Тянь-янь создан на [территории расселения] племени бай-си. Округ Цзюйнь создан на [территории расселения] отдельного племени

бай-си” [Оуян Сю, гл. 436, с. 298, л. 26; Мавякин, 1989, с. 24]. Распределение названий Тянь-янь и Цзюйнь за разными группами бай-си призвано лишь различать их географически: не порешая против истины, можно было бы поменять их местами или даже объединить. В бассейне Шара-мурэн (Хуаншуй), ее правого притока Лоха-мурэн и гор Лэнсин племя си (бай-си) проживало вместе с протомонгольским племенем С8497 хи (< *uei*~*hai* < *qa*), родственным со своими соседями, протомонгольскими же киданями. В зависимости от того, из какой части этого не всегда мирного объединения поступала информация, находилась и общая его характеристика в целом. В уйгуро-тибетском документе о нем говорится: “К востоку от этой страны находится племя, которое тибетцы называют Не (хи), китайцы Не-се (хи-си), а тюрки Дад-ру” [Васот, 1955, с. 145]. Тюрки действительно называли их словом *tata*bi (БК Ха, 2), восходящим к иранскому **tata ari* “падающие воды” (*авест.* *tata aro*). Это помогает конкретизировать образ юэцжйского Куян (Млечного пути) как “Белый падающий поток”. В монгольское время (XIII в.) термин *куян* был известен в нескольких фонетических вариантах, в том числе *кян*. “Кыян, – писал Рашид ад-Дин, – это поток, спускающийся с гор в низину, быстрый, бурный и сильный” [Рашид ад-Дин, 1952, с. 154]. Из племени *кыян* (монгольская форма *мн. ч. ~кыян*) происходил Чингиз-хан. Кыятами являются все чингизиды в истории казахов и кочевых убежков.

Тюркское название приобретает и китайское обозначение *тянь-янь* “полный лик (Луны)”. В Старой редакции “Истории династии Тан” сообщается, что в составе *хи* есть многочисленное племя С3498, 6231, 13377, 3234 *дулунь геэцзинь* (< *uo-luen kuai-kien*) – **tolun kokin* ~ **tolun kök* “полный лик (Луны)”. Численность его войска достигала 10 тысяч человек [Лю Сюй, гл. 199 6, с. 1499, л. 13 6; Дэн Чжунмянь, 1958, с. 752; Таскин, 1984, с. 367]. В состав монголов оно вошло под названием *долунгир* [Козин, 1940, § 260; Рашид-ад-Дин, 1952, I, кн. 2, с. 91; Роча, 1956, с. 79, 89].

Этим далеко не исчерпываются перечень племен и объединений, пантеон которых повторял или даже пояснял некоторые черты юэчжуйского. Таковы, например, абзойа, урбе-кыпчак и др., исторические справки о которых предлагаются ниже. При их чтении может создаться впечатление, что сходство этих черт конвергентно, но будем помнить, что бессмысленно не исчезает ничто.

Абзойа (Яньцзай)

Известия дошедших до наших дней письменных источников позволяют найти прямые следы “юэчжизма” далеко на западе, в Араво-Каспийском регионе. Речь пойдет о стране Яньцзай, сообщения о которой появились после возвращения Чжан Цзяня.

Страна Яньцзай [(*< i>jam-tsaï*); вариант с ключевым знаком № 53 янь “крыша”: Аньцзай (*< *am-tsaï*)] известна со времени посольства Чжан Цзяня, развернутым Жизнеописанием которого является Повествование о Даюань-Фергане в тексте “Исторических записок” Сыма Цяня, некогда утраченное, но затем реконструированное по материалам “Истории Хань”. Поэтому сообщение о Яньцзай в обоих трудах повторено почти дословно: “Яньцзай расположена примерно в двух тысячах ли на северо-западе от Канцзюй; боеспособного войска более ста тысяч. Живут у большого озера без берегов; по-видимому, это Северное (по отношению к Канцзюй) море” [Сыма Цянь, гл. 123, с. 1138, л. 4а; Бань Гу, гл. 966, с. 1164, л. 17а].

Уже в первые годы после открытия Западного края ханьский императорский двор придавал государству Яньцзай значение на уровне Парфии, Далинь (восточные колонии Римской империи) и Индии, о чем говорится при описании мероприятий, предпринятых сразу после победы над сюнну в 121 г. до н. э.: “Вначале открыли область Цзюцюань (в пров. Ганьсу), чтобы иметь сообщение с государствами на Северо-Западе. Поэтому снова направили посольства в Анрси (Парфия), Яньцзай, Лигань (Далинь) и Шянь-ду (Индия)” [Сыма Цянь, гл. 123, с. 1142,

л. 12а]. В этот период обрабатывались и становились стационарными маршруты Великого пути на запад, и находившаяся в араво-каспийском бассейне Яньцзай, занимала ключевое место на его Северной дороге: “Северная дорога при переходе через Цунлин (Памир) на запад как раз выходит в Даюань (Фергана), Канцзюй (Кангха) и Яньцзай” [Бань Гу, гл. 96а, с. 1156, л. 16].

Через несколько столетий ситуация представлялась иначе. Автор “Истории Поздней Хань, 25–220 гг.” Фань Е, живший в 398–445 гг. и, как полагают, использовавший при написании своего труда сочинение Юй Хуаня “Краткое обозрение государства Вэй, 220–265 гг.”, писал: “Государство Яньцзай стало называться Авань-Лю; [правитель] живет за земляными (крепостными) стенами (*кит.* цзюй ди чэн) и зависит от Канцзюй. Климат и почва тельды, много сосны и ковыля. Обычай и одежды населения о, дипаковы с канцзюйскими” [Фань Е, гл. 88, с. 1316, л. 176].

В этом тексте нет ни прямого, ни косвенного указания на оседлость всего населения страны. По странному недоразумению японский ученый К. Сиратори перевел выражение “цзюй ди чэн” в значении “народ живет за глиняными стенами” [Shirotori, 1956, с. 226]. Будь эта фраза таковой, она была бы помещена ниже, среди слов об одежде и обычаях населения, а не в политической характеристике государства. При составлении справок такого рода летописцы придерживались стандартной схемы: 1. Название страны. 2. Местопребывание правителя и его характеристика. 3. Общие сведения. Приведенный текст этой схеме соответствует. В выражении “цзюй ди чэн” нет слов “народ и глина”. Знак “ди” в сочетании “ди чэн” значит: 1. Земля (планета); земной шар; земной; подземный. 2. Страна, государство, территория. 3. Земля. Можно даже предположить, что знаку “ди” в изначальном тексте соответствовал иероглиф “ту” (нарочито усложненный во избежание “тавтологии”, так как через один знак по тексту он снова использован в сочетании “ту ди” – “климат и почва”) в значении: 1. Земля, почва; пыль; глина;

земляной; глиняный; глинобитный и др. Применительно к событиям той поры сочетание “ту чэн” – “земляная/глинобитная стена” встречается при описании крепости сюннунского Чжичжишаньня на Таласе, которая наряду с деревянной стеной (му чэн) внутри нее, была обнесена и земляной/глинобитной стеной (ту чэн). Значит, и в этом случае подобные обозначения относились лишь к крепостному валу или стене вокруг ставки властителя, а не к характеристике жилищ населения страны.

В самом же “Кратком обозрении государства Вэй” (Вэй люэ), краткие выдержки из которого ныне сохранились лишь в виде комментариев сунского ученого (кюжная династия Лю Сун, 420–479 гг.) Пэй Сунчжи к труду Чэн Шюу “Описание трех царств, 220–264 гг.”, о стране Яньцзай имелись следующие строки: “Есть еще государство Лю, есть государство Янь и еще государство Яньцзай, иначе называемое Амань. Все они одних обычаев с Каньцзюй. На западе граничат с Дацзинь, на юго-востоке – с Каньцзюй. Там много соболю, который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы; приглашают к большому озеру/болоту; в прежние времена весьма зависели от Каньцзюй, а ныне не зависят” [Чэн Шюу, гл. 30, с. 411, л. 34а].

В известном смысле подобная характеристика аланов Азии дана Аммианом Марцелином (XXXI, 2, 17): “Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища. Гона перед собою упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они проявляют к уходу за лошадьми”.

По мнению Сиратори, транскрипция Лю (<liu) отражает название Волги *Rav* (по-мордовски равакш “жители Рав, т. е. Волги”); это был народ угро-финского состояния, живший по среднему течению Волги. Возможно, об этих местностях слышали и авестийские сказители (Вендидад, 1, XX, 76–78), на-

зывавшие их “странами на берегах вод Ранти (Ра), которые не знают власти верховных правителей”. Транскрипция Лю практически тождественна Лю (<liu) в сочетании Амань-Лю. Амань – это аланы, заселявшие с рубежа нашей эры области от берегов Арала и Каспия до Дона, включая Северный Кавказ и Причерноморье. Существование бинюма Амань-Лю, помимо общей зависимости обоих народов от Каньцзюй, свидетельствует о том, что они имели между собой внутренние связи, конкретно говорить о которых пока не представляется возможным. Видимо, это были отношения иерархической взаимозависимости, в орбите которых оказалось и владение Янь (<ngiat), располагавшаяся, как считал Сиратори, в бассейне реки Камы, левотока Волги. О нем в “Истории Поздней Хань” говорилось: “Государство Янь находится на севере от Яньцзай, оно зависит от Каньцзюй. Отсюда поступают шкурки соболю” [Фань Е, гл. 88, с. 1316, л. 17а].

Реальный термин, который кроется в транскрипции яньцзай (<iat-t'ai) или, как в “Истории Чжоу”, аньцзай (<an-t'ai), с определенностью не установлен. Еще Ф. Хирт и А. Гуттмидт, а сравнительно недавно (правда, со знаком вопроса) Э. Пулаубанк, имея в виду отмеченную в античных источниках (например, Птолемей, VI, 14) важную роль племени аорсов на Арало-Каспии, отождествили последних с Яньцзай [Hirth, 1885, с. 139; Gutschmidt, 1888, с. 69; Pulleblank, 1962, pt. 1, с. 99]. Массажетами считал их Й. Маркварт [Marquart, 1938, s. 65]. С кыпчаками сопоставляли яньцзай Чэн Чжунмянь и К. Сиратори, прежде придерживавшийся иного взгляда [Чэн Чжунмянь, 1958а, с. 670]. О Мэнхен-Хэфен и Х. В. Хауссиг усматривают в транскрипции яньцзай одно из обозначений эфталтов [Maenchen-Helfen, 1945, с. 250; Haussig, 1953, с. 321].

В ныне утраченном сочинении “Хань ту цзе-ту” (Толкование текста “Истории Хань”), цитированном в комментариях к “Историческим запискам”, говорилось, что “Яньцзай – это Хэсу (<yar-sou)” [Сыма Цян, с. 1138, л. 4а]. Вероятно, в древности

считалось, что все три упомянутые здесь транскрипции отражают звучание одного и того же слова. Более того, третья транскрипция использовалась самостоятельно, и это воспринималось oddly. Так, в Мизнеописании Чань Тана говорится, что северосонгунский паньной Чжичжи, выступая тогда под флагом канцзюйского владетеля, занимал ежегодную дань с государств Хэсу и Даюань [Зуев, 1957, с. 68]. Ранний комментатор Янь Шигу приводит слова из сочинения Ху Гуана: "Примерно в тысяче ли на севере от Канцзюй есть государство Яньдай, его другое название Хэсу. Значит, Хэсу и есть Яньдай" [Бань Гу, гл. 70, с. 857, л. 4а]. Сиратори и Теттард, с которыми согласен и пишущий эти строки, с достаточным основанием полагают, что в означенных вариантах отражено название упомянутого Плинием Старшим (23–79 гг.) сармато-аланского племени абзоев. Вот его суждение о народах, живших на берегах Скифского залива Каспийского моря: "По сую его сторону (т. е. с западной стороны) – кочевники и савроматы под многими отдельными именами, а по ту сторону (т. е. на востоке) – абзои с меньшим количеством названий" (Плиний, V, 36). "Под абзоями и арзоями, – писал Л. А. Мацулевич, – включавшими, по указанию Плиния, многочисленные племена, по-видимому, следует подразумевать тех "верхних, т. е. предторных, абзоев", которые, по свидетельству Страбона, "владели обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами" [Мацулевич, 1947, с. 132].

Термин яньдай/аньдай/хэсу/абзоя – политоним, в значительной степени синонимичный термину сармат; в свою очередь, абзоя (ср. *авест.* *апуша* "белый"), которых Птолемей в шестой книге "Географии" отмечает рядом с "великой расой" присырдарьинских яксартов, были одновременно и абзоями, и сарматами Азиатской Скифии или Азиатской Сарматии. Говоря о транскавказских торговых связях абзоев, Страбон ничего не сообщает о восточной части Торгового пути (Северная дорога),

в орбите которой находились Фергана, Кангха, Абзоя и (даже по китайским данным) Поволжье. Не надо думать, что в китайских источниках под страной Яньдай разумелась исключительно местность у Аральского моря. В них присутствует представление о всей огромной территории тогдашних кочевий сармато-алан, хотя бесспорно, что именно восточное и северное Приаралье были наиболее известны китайцам [Тостов, 1947, с. 75; 1948, с. 20]. Северная дорога с ее ответвлениями имела протяженность континентального масштаба, и Яньдай/Абзоя занимала подбоящее место в ее функционировании.

Говорить о существовании в этой стране значительных торговых или ремесленных центров городского типа по имеющимся письменным известиям затруднительно, если, конечно, не принимать за таковые укрепления "с земляными/глинобитными стенами" абзюйского правителя или войлочно-юртвые гуай-города на повозках, о которых писал Аммиан Марцелин. Тем не менее для середины VII в. имеется единичное сообщение о том, что управление бывшей страны Яньдай находилось в городе Хулу (<уо-лю) [Оуян Сю, гл. 436, с. 301, л. 9а]. Как считают, других известий о нем найти не удается [Малавкин, 1989, с. 267]. Надо заметить, что транскрипция Хулу является объяснительной, а ее знаки имеют смысл "Согдийская дорога", откуда следует, что город стоял на торговом пути, а функции его на последнем были согдийцы. В "Танском обозрении" этот город так и назван: согдийский город Ху-чэн [Чань Чжунминь, 1958а, с. 145]. Информация определено пополняется при обращении к другим источникам, в частности, к персидской географии 982 г. "Границы мира", в основу которой был положен более ранний арабский оригинал. Транскрипция сблизается с названием города на Нижней Сырдарье – Хвара. В разделе "Границы Мавераннахра и его города" говорится: "Джанд, Хвара и Дих-и Нау ("Новое селение") – три города, лежащие на берегу реки Чача (Сырдарья). От Хорезма в десяти почтовых переходах, от Фараба в двадцати почтовых переходах. Царь

гузов зимой находится в сказанном Дих-и Нау" [Minorzky, 1937, с. 122].

Локализация названных пунктов проблематична, хотя ясно, что все они находились на Нижней Сырдарье. В другом месте того же сочинения говорится, что эта река, выйдя за пределы Чаа, минует Сыткент, Фараб (Отар) и многочисленные городки вплоть до пределов Джэнда и Хвара и впадает в Хорезмское (Аральское) море [Там же, с. 72]. Хвара находился у западной оконечности Пустыни ("Песка") к востоку от Арала: "Другой Песок лежит между кимеками и пределами Джэнда и Хвара. Протяженность его огромна..." [Там же, с. 81]. Ранне-средневековый Джэнд исследователи согласно локализуют на Нижней Сырдарье и сопоставляют с развалинами Джан-каа. Руины Янга-кента (Дих-и Нау) под названием Джан-кент лежат на левом берегу Сырдарьи к югу от Казаинска. Местонахождение Хвара пока не установлено, хотя надо заметить, что в багдадском издании карт ал-Идриси (сер. XII в.) река Чу (Руза; в представлении ал-Идриси она впадала в Аральское море) размещена к северо-востоку от реки, в низовьях которой расположен город Хавран (в тексте: *Хаврат*) [Агаджанов, 1969, с. 66]. Город Хаврана до последней четверти IV в. упоминает и Аммиан Марцелин (XXII, 6, 63) – также в городской триаде Нижней Сырдарьи, но с иными названиями двух других городов: "Из городов же там известны только три: Аспабота, Хаврана и Саа..." В "Географии" Птолемея (VI, 15, 3) под названием Хаврана зарегистрирован город далеко на востоке, за Казийскими горами (Восточный Тянь-Шань), скифами-хата (*кип. сюту*), между областью Акаса (*кип. Эши*) и Эмодскими горами (*кип. Цилинь*), в области скифов-хавранов. Название скифов-хавранов находит прямое соответствие в китайской транскрипции хунь-е (<уип-па), которая при постоянном выражении транскрипционными конечным -п исходного -г точно передает слово хугапа/хугапа. Согласно ханьским хроникам, хунь/хавраны в середине II в. до н. э. занимали владения юэцжи

в округах Чжань-Ганьчжоу и Цзюцюань к северу от гор Цилинь (Наньшань, хр. Рихтофена) на территории современной провинции Ганьсу [Мавякин, 1989, с. 205]. Возможно, некогда это и было династийное юэцжйское племя, оказавшееся после падения государства Юэцжи под властью сюнну и автоматически ставшее "сюннским".

Поражение юэцжи (ути/ати/аси) от сюнну в 172–164 гг. до н. э. привело к миграции значительной части их в Среднюю Азию. Она не ограничилась "штормом" Греко-Бактрии, основная их часть осталась на вновь обретенной родине, в том числе в бассейне Сырдарьи и в Приаралье. Во втором столетии, по меньшей мере лет через триста после начала миграции, Птолемея (VI, 12, 4) писал о Нижней Сырдарье: "...близ отсюда Дксарта на севере живут яти и тагоры, ниже которых аугады". Название аугал пыталось сопоставлять с *сакараул* труда Страбона (XI, 1, 2) [Налоп, 1937, s. 244] хотя еще Гутшмидт и многие авторы вслед за ним (Швентнер, Тарн и др.) видели в сакараулах Страбона искаженное переписчиками название скифского племени сакараука, упоминаемого псевдо-Аупинном, Оросием и Птолемеем [Gutschmidt, 1888, s. 71–72]. Согласно концепции В. Тарна, которую Б. А. Литвинский с некоторыми оговорками считает наиболее вероятной, родной сакарауков было Приаралье [Тарн, 1951, с. 279, 291, 534; 1972, с. 172]. Э. А. Грантовский считает вторую часть этнонима отражением иранского раука "светлый" – то есть сакарауки "светлые саки" [Грантовский, 1975, с. 79]. Существуют и иные точки зрения [Кукулина, 1985, с. 108–110]. С. П. Толстов, привакая, как обнаружилось, графически искаженный вариант *аугас* (вм. *аугал*), считая возможным возвести к нему термин *оугз* и на этой основе составил концепцию о происхождении этнического названия *оугз* ("река", "бык") и государства оугзских йабуу со столицей в Янгикенте на Сырдарье [Толстов, 1950, с. 50]. По этому поводу А. Н. Кононов писал: "Приняв предположение С. П. Толстова, пришлось бы пересмотреть все основанные на историчес-

ких фактах представления о происхождении и этническом составе огузов" [Кононов, 1958, с. 83].

Ауталы не тождественны ни сакараукам, ни огузам, но они историчны, хотя греческая запись этнонима дает неполное представление о его реальном звучании. К середине I в. до н. э. в объединении сюнну на территории Монголии активизировались центробежные устремления правителей пяти малых "государств", некогда подчиненных и инкорпорированных в состав сюнну. Одним из них был правивший "в западной стороне" предводитель племени ху-цзе (<huo-g'iat/kiat), Хуцзе-ван, обьявивший себя паньюем и сумевший "отделиться", обрести самостоятельность [Бань Гу, гл. 946, с. 1128, л. 16]. По Жизнеописанию Чань Тана в "Истории Хань" в 49 г. до н. э. предводитель-панью северных сюнну Чжичжи завадел западными территориями сюнну, а затем, опасаясь прихода ханьских и южносюннских отрядов, "на западе нанес поражение сразу трем государствам — Хуцзе, Цзянькунь и Линьин" [Бань Гу, гл. 70, с. 6а-а].

Географические ориентиры этих сообщений можно понять лишь в том случае, если предположить ошибку в тексте летописи и считать, что вместо "западных территорий" следует иметь в виду "восточные территории" во Внутренней Монголии. Только отсюда он мог нанести поражение "на западе" минусинским цзянькунь-киргизам, прибикальским динлинам и, как писал один из древних комментаторов, "малому государству от сюнну на севере" Хуцзе. Поэтому в Повествовании о сюнну той же хроники говорится: "На севере он атаковал Уцзе. [Правитель государства] Уцзе покорился. Силами его войска он на западе нанес поражение Цзянькунь, а на севере покорил Динлин. Цзянькунь находилось в 7 тысячах ли на западе от ставки паньюя" [Бань Гу, гл. 946, с. 1130, л. 5а-6]. Транскрипции хуцзе и уцзе (<uo-g'iat/kiat) равнопорядковы, они отражают исходный этноним *уокиаль/уогиль*. Динлины, рядом с которыми в Прибайкалье жили уокилы, были обладателями "высоких повозок" гаочэ (кхоча, тохары) [Ли Яньшоу гл. 98, с. 1312, л. 23а]. Можно предположить, что таковыми

же были и уокилы Прибайкалья. Переживания данного этнонима на территории Восточной Монголии и Маньчжурии встречаются в синьбийское, древнетюркское и монгольское время. Далеко на западе, у дунайских булгар восьмого столетия, род Уокиаль (Вокиль) был одним из династийных, предки которых "правили по ту сторону Дуная 515 лет с остриженными головами" [Бенцинг, 1986, с. 15-16]. На среднеазиатской почве этноним уокиль/вокиль/аутал, возможно, отложился в имени предводителя дружины-сорок Векиль огузского эпоса "Китаб-и Дзэдэм Коркут".

Таково этнографическое окружение ранней Ыньцай/Абзюй. О самом государстве теперь известно, что через его территорию проходила магистральная дорога Торгового пути Восток-Запад, получившая на яньцайском ее отрезке название Согдийская дорога и разветвлявшаяся по достижении берегов Волги-Ра в трех направлениях: на юг — в Закавказье, на запад — в страны Европы и на север — в Прикамье. Последним перевалочным пунктом на этой дороге в Средней Азии был абзюйский город Хвара/Хварана в устье Сырдарьи, названный по-китайски Согдийским городом. Город Хварана и скифское племя того же названия существовали и далеко на востоке, у истоков Торгового пути. Предполагается, что некогда оно было "дарским" племенем юэцжи (асиев), оказавшимся в сфере сюннуского политического влияния и обретшим политонимическое обозначение "сюнну". В значительной своей массе они откочевали в Среднюю Азию, в том числе к берегам Аральского моря. Такое резюме необходимо для понимания хронологически последней информации о государстве Ыньцай в китайской летописи.

Она содержится в параграфе о государстве Сутэ (šük-d'ak) "Истории Северных династий" и почти без изменений использована при реконструкции еще в древности утраченного текста Вэй Шоу "История Тоба-Вэй, 338-534 гг." "Государство Сутэ (Согдак) располагается на западе от Цунлинь (Памир); в древности оно называлось Ыньцай, еще одним названием было

Ваньнаша. Они живут у большого озера/болота, находятся на северо-западе от Канцзюй, в 16 тысячах ли от Дай (столица Тоба-Вэй, *совр. Датун*). В прежние времена сюнну убили их царя и завадзели их государством. Ко времени царя Хуни их было уже три поколения (или: царь Хуни составлял уже третье поколение) после того события. Прежде купцы из той страны во множестве приходили в [государство Северное] Лян (397–460 гг.) для торговли своими товарами. Когда династия Вэй (338–534 гг.) одолеа Гуцзан (Кочан; столица Северного Лян; 439 г.), то все они были взяты в плен. В начале периода Вань-чан (452 г.; “Вэй шу”: “В начале правления императора Гао-цзюна, 432–465 гг.”) сутэский царь отправил посланника с просьбой о их выкупе, которая была удовлетворена указом. С тех пор не было посольств с принесением даров. В четвертом году периода Бао-дин (564 г.) при династии Чжю (557–581 гг.) их царь отправил посольство с данью из предметов местного производства” [Ли Яньшюу, гл. 97, с. 1293, л. 16а; Вэй Шюу, гл. 102, с. 1319, л. 15а].

Недоумение и решительное неприятие со стороны традиционных китайских комментаторов и части современных исследователей вызвали первые строки текста о том, что Сутэ (Согд в бассейнах рек Зеравшан и Кашкадарья) и Яньцай (Приаралье) – одно и то же [Лидай, I, с. 651; Епоки, 1956, с. 46–47]. Дело, однако, в том, что расположенный на караванной Согдийской дороге и заселенный торговыми и ремесленными согдийцами, город Хварана тоже был Согдом и Согдаком, подобно тому, как Согдаком (*совр. Сузак*) называлось торговое согдийское поселение в Кылым, Согдаком было городское согдийское население Семиречья, Согдаком шести округов-чжоу (*кит. лю хучжоу; тюрк. аты чуб Согдак*) в самом начале VIII в. называлась область согдийских колоний в Южном Ордохе – Северной Шэнси. Это обстоятельство не смог учесть составитель “Истории Северных династий” Ли Яньшюу, знавший только Согд с центром в Самарканде, но изложивший все-таки яньцайский материал. Неологичность отождествления двух раз-

ныщихся государств насторожила Линху Дэфэня, составителя “Истории Чжю”, который, повторяя в короткой справке отождествление Ли Яньшюу, мудро добавил к нему деликатное “может быть”: “Государство Сутэ расположено на западе от Цунмин (Памир); может быть, это Аньцай (так!) в древности, другое название Ваньнаша. Управление при большом озере/болоте (цзэ), находящемся на северо-западе от Канцзюй. В четвертом году периода Бао-дин их царь отправил посольство для преподнесения предметов местного производства” [Линху Дэфэнь, гл. 50, с. 431, л. 15а]. О Мэнхен-Хэфен вообще считал текст “Истории Чжю” наиболее близким к оригиналу, каковым, по его мнению, был труд Кань Иня “Ши-сань чжоу чжи” (Описание тринадцати округов; ок. 430 г.), где были собраны непосредственно опросные сведения, полученные от купцов и посланников из Средней Азии [Налоп, 1937, с. 275–277; Maenichen-Helfen, 1945, с. 229].

Так это или иначе, но текст “Истории Северных династий” в этой части является записью откровенной устно-историологической традиции, поэтому было бы бессмысленно полагаться на обозначенные здесь хронологические координаты (“три поколения”), не имеющие временной точки отсчета.

“Другое название” страны Ваньнаша больше не упоминается нигде. Варианты его реконструкции, в той или иной степени сориентированной на неточное прочтение транскрипции яньцай (эфтал, эфталит-хионит), умозрительны и не могут считаться удовлетворительными. Продуктивным могло бы оказаться лишь замечание Сиратори, что первый знак сочетания Ваньнаша (вань) является именем собственным [Shitatori, 1928, с. 98]. Это было своеобразно подддержано Х. В. Хаусситом, отметившим, что согласно “Истории Тан”, предводителя “девяти племен арси” (*др.-тюрк. токуз эрсен*) происходили из фамилии Вань и были главами восьми городов-государств Согдианы [Haussig, 1953, с. 415–418]. В этой части фантастическое построение Хауссита о “девяти племенах эр-

сенов” можно не принимать во внимание, поскольку таких племен не существовало никогда. Древнетюркское слово *eisen* восходит к древнеиндийскому *gasauṇa* “источник”. Сочетание Токуз арсен (“Девять источников”) – это название области, конечного пункта древнетюркских походов на юге и в первой половине VIII в. (“... на юг я прошел с войсками вплоть до Девяти источников” – КТм, 3) и калька китайского названия обширной территории современного автономного района Внутренней Монголии по левобережью северной излучины Хуанхэ – Цзю-юань (“Девять источников”). Как полагают, не существовало и названия народа арси, якобы зарегистрированного в восточнотуркестанских документах [Татп, 1951, с. 284].

В той же хронике Ли Яньшоу определяет фамилию/род Вань как часть племени юэчжи: “Царь (государства Кан) – из фамилии/рода Вань, он юэчжиец. Прежде они проживали к северу от гор Цилинь в городе Чжао у. Когда их разбили сюнну, они на западе перешли Цунлин (Памир) и завладели этой страной” [Ли Яньшоу, гл. 97, с. 1298, л. 256]. Версия повторена в трудах Вэй Шоу, Вэй Чжэна, Лю Сюя и других авторов [Вэй Шоу, гл. 102, с. 1325, л. 266; Вэй Чжэн, гл. 83, с. 826, л. 8а; Лю Сюй, гл. 198, с. 1483, л. 136]. Она отражает известную схему переселения юэчжи на запад после убийства их предводителя войском сюннуского Лаошан-шаньюн во втором столетии до н. э. Ее вариант и воспроизводится в приведенных выше строках о абзойском Согдаке Приаралье: “В прежние времена сюнну убили их царя и завладели его государством. Царь Хуни составлял уже третье поколение после того события”. Если точно следовать внутренней логике текста, то отсчет надо вести примерно с 164 г. до н. э. (убийство юэчжийского предводителя) и в соответствии с этим решать вопрос о реальном прототипе транскрипционного знака *вэнь* (<*uan). В силу фонетических закономерностей, о которых говорилось выше, таковым было скифское и авестийское слово *hvat* – “солнце”. В том же ключе реконструируется имя названного здесь мифологического, юэчжийского по проис-

хождению царя Хуни (<*xuaɪ-neh <*hvaɪnaɪ), **Хварна/Хварана** как эмалации Солнца и божественного огня, дарителя божественного нимба царей [Топоров, 1992, с. 557–558; Литвинский, 1968, с. 48–49; Акишев, 1984, с. 37–38].

Мнение К. Сиратори, что знак *вэнь* отражал имя собственное, справедливо лишь по отношению к обозначенной фамильной принадлежности правителя Согдианы в Самарканде Вань/*Хвар. Эта фамилия действительно существовала у юэчжи ханьского времени [Вэй Чжэн, гл. 83, с. 826, л. 8а; Лидай, I, с. 382]; она была царствующей. Тот же иероглиф использован в качестве первого знака в транскрипционной группе Вань-на-ша и, следовательно, отражал то же исходное “согдийское” звучание *хвар. Судя по всему изложенному материалу о городе и племени Хварана (Хварена), он не отделил от последующего знака *на* (на) и составляет с ним транскрипцию слова хварна/хварена. При том, что речь идет о названии страны или ее столыного города, заключительный знак *ша* (ša) уверенно воспринимается как неполная транскрипция персидского шахр “страна”, “город”, т. е. полным “другим” названием Абзойи было Хварна-шахр.

Выяснение восточных связей Ыньцай/Абзойи позволяет предметно представить время проникновения асиев или асов (юэчжи), равно как и их “царского” солнечного рода хварана, в Приаралье. Оно может быть продолжено. В 576 г. к западным тюркам было отправлено византийское посольство ради заключения военного союза против Ирана. Оно двигалось северным путем. Переправившись через Волгу и Урал, оно на северных берегах Арада оказалось во владениях царицы Акагас, власть которой была дарована Анагаем, царем утигуров [Chavannes, 1903, с. 240]. Царь Анагай был известен китайцам под именем Анагуай. Он был каганом-императором огромного аварского объединения, наводившего ужас на народы от Маньчжурии до Босфора Киммерийского, но павшего под ударами тюрков, Анагай покончил с собой еще в 552 г. Будучи верховным владыкой большого числа покоренных племен, он в

то же время являлся гарантом сохранения прежде существовавших структур в завоеванных областях, и его “дарения” были своего рода актами политической инвентуры на власть, закрепившей прежнее положение. Обитающая утиуров, наряду с аорсами Приаралья, как раз и были одной из таких областей, название которой превратилось под пером византийского писателя в имя цариды Акаса.

Утиуры этого сообщения (Дж. Р. Гамильтон сближает их с названием племени утигер в списке девяти племен он-уйгур по Рашид ад-Дину) [Hamilton, 1962, с. 35, 38, 42] – это упоминаемое Плинием (VI, 39) племя ути, ассоциированное с аорсами. Утиев и считает Э. Пулибланк реальным племенем юэчки [Puliblack, 1966, с. 18]. Параллельно существуют известия о юэчки/ути далеко на востоке, в бассейне Эдина-гоа. В первом сообщении о них говорится, что в 413 г. правитель государства Северное Аян, выехав из уезда Тяюто, направил десятитысячное войско на варварские кочевья бихэ и ути [Фан Сюаньлин, гл. 129, с. 852, л. 5а]. Вторая военная кампания против ути состоялась через три года, она была связана с жертвоприношением на Золотой горе Цзиньшань и в храме юэчжэйской Царицы-Матери Запада Си-ван-му, на пути к которому ланьскому войску пришлось миновать Западное море Сихай и Соленое озеро Ыньчи. В храме имелось вырезанное на черном камне изображение богини Си-ван-му. Мысунь приказал написать оду и вырезать ее текст на камне [Там же, с. 853, л. 6а]. Бассейн Эдина-гоа составляла область Цюйянь-Эши (*Куйан-Акаса). Скифскую область Акаса Птолемей (VI, 15, 3) размещал непосредственно рядом с солнечными скифами-хваранами. Повторимся, что черты юэчжэйской богини-царицы обнаруживают сходство с образом малоазийской богини Великой Матери Кибелы в виде серебряной статуи с лифом, названным из шершавого черного камня, помещенной в священную повозку у вождя [Фрэзер, 1983, с. 330].

Сказанное о восточных юэчки-ути, области Акаса и цариде-матери позволяет напечатать конкретным содержанием об-

раз скифской цариды ути (утиуров) в Северном Приаралье. Названия восточной и приаральской областей Акаса/Акас/Акагас восходят к скифскому слову акас “невредимый”, “целый” [Абаев, 1979, с. 277]. Существование двух областей – Хварана (“Солнечная” и “царская”; Юго-Восточное и Восточное Приаралье) и Акас (“Луная” и “царидынская”; Северное Приаралье) в известной степени было унаследовано от юэчжэй Востока, но несомненно подпитывалось местной сарматской тинекократической средой. Дуализм космогонических представлений был параллелен дуальности самого янцзайского общества и “солнечно-луному” династийному сопоставлению в государстве. Вот почему в кн. VI “Географии” Птолема племя асманов размещено на землях к востоку от реки Ра (Волги).

Изложенный материал, значительная часть которого привнесена впервые, с безусловностью свидетельствует, что Ыньцзай/Абзюй была не маргинальной захолустной областью, а большим и полноправным объединением государственного типа на территории современного Казахстана.

Урбе-кыпчак

Китайская запись кыпчакского историко-генеалогического предания включена в текст памятника кыпчакскому военачальнику из рода-фамилии Юйинбэйли по имени Тутуха, составленный Юй Цзи (1272–1348 гг.) и включенный в собрание “Юань вэнь дай” [Су Тяньцзюе, гл. 26, с. 329], в труд Ынь Фу [гл. 3, л. 17а] и в династийную историю “Юань ши” [Сун Ань, гл. 128, с. 1486, л. 14а]. Он неоднократно воспроизводился в сочинениях более поздних китайских авторов [Кэ Шаоминь, гл. 29, л. 506–516] и известен в английском [Bretschneider, 1888], немецком [Marquart, 1914], французском [Reliot, 1920; Reliot, Hamby, 1951] и русском [Кычанов, 1963, Кадрыбаев, 1982] переводах. Имеются попытки его интерпретации в китайской и европейской историографии. Время его записи – не ранее первой половины XIV в. Более чем столетия традиции его изуче-

ния принесла разные по значимости результаты. С несомненностью установлено лишь, что изначально местом действия героев текста была Джейранская долина (*кит.* Чжэлян-чуань; *монг.* Джерен-кэ'эр) к северу от реки Лоха-мурэн во Внутренней Монголии, а конечным пунктом переселения циньча-кыпчаков было междуречье Волги (Итиль) и Урала (Яик). Произведен ряд удачных терминологических реконструкций.

Однако минемонический по своему характеру материал этого короткого предания в его мифологической части значительно богаче. Он поддается выявлению и, думается, сможет послужить основанием для нескольких серьезных заключений. Приведем его текст по версии Юй Цзи. "Предками кыпчаков (циньча <кыпчаг ~ кыбчат; *монг.* форма мн. числа от кыбчак) были племена (или: было племя) Джейраней долины при горах Аньдахань к северу от Упин. Впоследствии они переселились на северо-запад в горы Юйлибэйли и там обосновались. Тамешный климат суровый, люди смелые и искусные в ратном деле. Со времен [и* предка] Кунана (*кит.* Цюйнань) жителей той страны называли кыпчаками, а сам он был их правителем. У Кунана родился Сомона. У Сомона родился Инасы (но возможно: Инань <Ынан)... Инасы стал стар и уже не мог управлять своей страной. В год дин-ю (1237 г.) сын Инасы, Хулусямань, сам явился в подданство к Тайцзуну (т. е. Угедэю)..."

Транскрипционное обозначение гор C15408, 3891 Аньдахань соответствует Алтахан (<*монг.-ха.лх.* алтэ, *монг.-письм.* алтан "золото"). Правильность реконструкции аньда < алта подтверждается, в частности, случаем использования этой транскрипции для передачи имени Алта-хана (Алтан-хана) тумэтского (1567–1582 гг.) соответственно в монгольской и китайской летописях [Шастина, 1957, с. 191; Чжан Тинъюй, гл. 17, с. 141, л. 36; Покотилов, 1893, с. 150]. Название гор Алтахан зарегистрировано в монгольской летописи. Согласно одной из версий в "Алтан-тобчи", прах Чингиза был захоронен в Великом утуже за горами Алтахан, на южном склоне гор Кэнтэй-хан. В представлениях ранних монго-

лов горы Алтахан (Алта-кан) сравнивались с высокой и теплой женской грудью. В той же летописи цитируются слова коруатского Цэбдэна, неудачно выдавшего свою дочь Алта-хан (Алтахан?) за монгольского Тайсун-хана: "... Задняя часть гор Алтахан прежде была тепла, отчего же теперь стала холодна? Грудь моей дочери Алта-ханы прежде была холодна, отчего же теперь стала теплою?" [Гомбоев, 1858, с. 148, 164, 174]. Вероятно, монгольское обозначение Золотистых гор восходит к тюркскому названию гор Алтункан / хан (Алтулхан?), где произошла встреча дружины Черного царевича Шу с воинами Зу-л-Карнейна [МКМ, I, с. 117; ДТС, с. 40]. Китайской их параллелью было C583, 10702 Цзиньвай "золотистый", "золоченый". В I в. н. э. за горами Цзиньвай находилась область Урпен (*кит.* C12711, 10523 юэбань < jwät-rap) где размещалась ставка северного шаньюя сюнну (см. ниже). Отголоском изложенного можно считать и пребывание кыпчаков у горы Алтынды-тау в казахском эпосе [Кобланды-батыр, 1975, с. 149, 151, 155, 310, 312, 316 и др.].

Другой ориентир предания – область Упин. Ее развернутая историко-географическая характеристика дана при описании территорий Карпиньского (Харачинского) аймака монголов в сочинении "Мэнгу юму цзи". При династии Хоу-Хань (25–220 гг.) это была земля сыньби, при династии Цзинь (265–420 гг.) ею владели племена мужун, при Юань-Вэй (384–532 гг.) – кумоси, в период династии Тан (618–907 гг.) – это Ялао-дудуфу, в 1007 г. здесь учреждена область Да-дин провинции Чжун-цзин, переименованная в 1270 г. в область Упин; в 1287 г. она снова стала называться Да-дин [Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 12, 196]. Округ Упин лежал по обоим берегам реки Лоха-мурэн (Лоах-хэ), а развалины города Упин сохранились в местности Ботацзы [Rellyot, Hambis, 1951, с. 96].

Горы Алтахан – это Большой Хинган к северу от Лоха-мурэн, правого притока реки Шара-мурэн (Хуан-шуй). В восточном отдалении от Большого Хингана находится долина ныне бессточной реки Дзерен [Мурзаев, 1955, с. 156]. Джерен кэ'эр разбрасывается

предания. Выясняются, таким образом, южный, восточный и западный пределы обитания кыпчаков Внутренней Монголии.

К историко-географическому вопросу о Золотых (~Золотых) горах этой части Азии обращался Ван Говей, пришедший к заключению, что другими традиционными обозначениями Б. Хингана были Цзинь-шань (Золотые горы) и Кара-ун-чидун (Черная повозка) [Ван Говей, 1959, III, с. 725-730]. Под 1288 г. сообщается, что кыпчакский предводитель Тулуха [Relliot, Namibis, 1951: tuluaq "конная ночная разведка"; Golden, 1986-1987, с. 8-7: toqtaq] при возвращении из похода подошел к Кара-уну, переправился через реку Гуйвер, нанес поражение мятежному князю Катану и, полностью завладев племенами Люкиданей, учредил туменное управление Лун-лу (Восточная область) [Сун Лянь, гл. 128, с. 1487, л. 166]. К этой области и относилась Джерен-кэ'эр [Сун Лянь, гл. 100, с. 1250, л. 3а].

В связи с известным чередованием звуков п/й (например, *ḥanaḡ~aḡaḡ "честь"; aḡḡ~aḡḡ "плохой, дурной"; qaḡ~qaḡ "какой?", -qīḡa~qīḡa денуминативный аффикс; а также в начальной и финальной позициях: Yata~Nata имя бога, jemek~пemek название племени; qop~qoḡ "овца"; qīḡa~qīḡaḡ название народа) [см. также: Gabaḡin, 1950, с. 53; Vazḡin, 1950, с. 289-290] ими мифического первопредка Купан соответствует kiḡaḡ, этно-топониму юэжжи-"тохарского" происхождения kiḡaḡ, этнотопоним (ливень/поток, Млечный путь)". Китайским переводом этого термина было С2658, 2690 бай-си "белый ливень" или просто си "ливень/поток". В древнетюркское время племя или племена с таким китайским обозначением существовали на восточных склонах Большого Хингана на всем его протяжении от Лоха-мурэн до северных отрогов. В исследуемом регионе племена С2690 хи и С8497 си (<yēi<ḥaḡ~qaḡ) жили смешанно, и это нашло отражение в письменных источниках. Они так и обозначались: С8497 хи (кай) – С2690 си ("ливень") [Цзинь Чжунмянь, 1958, с. 612; Е Лун-ли, 1979, с. 313; Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 194].

Выше уже говорилось об области Да-дин провинции Чжун-цзин. "Уезд Да-дин (на южном берегу реки Шара-мурэн), – говорит летописец, – это прежние земли племени бай-си" [Тото, гл. 39, с. 182, л. 16]. В другом месте того же труда он сообщает: "С8497 хи – С2690 хи – это название государства на землях Чжун-цзин" [Тото, гл. 116, с. 514, л. 12а]. Государство Хэ-се (кай + "ливень") тюрки называют Dad-ruḡ, сообщается в уйгуро-тибетском рапорте IX в. [Васот, 1956, с. 145]. К этой области и относятся упоминания о народности tataḡi (ср. ир. *tata ari, авест. tata aro "падающие воды") в Больших древнетюркских надписях Северной Монголии [ДТС, с. 541]. Применительно к рассматриваемой области и объединению си ("поток") + хи (кай) свидетельством его связи с тохарами-коча можно считать существовавшее его обозначение С4304, 13770 кучжэнь (<k'uo-tšjēn<*kiḡin; ср. kiḡiḡne "кучанский" в двуязычном торко-тохарском тексте) [Wintler, 1963, с. 249] в этнонимическом сочетании кучжэнь-хи (<*kiḡin-haḡ). По сообщению Новой редакции "Истории династии Тан" оно становится известным со времени династии Юань-Вэй (386-534 гг.) и существовало до эпохи Суй (581-618 гг.). По отношению к ним применимо встречающееся в том же тексте определение "владение двух варваров", называвшееся также кумо-си [Оуян Сю, гл. 219, с. 1538, л. 46; Таскин, 1984, с. 148, 369]. Первая часть этого бинома С4304, 8428 кумо (<k'uo-tāk<qḡḡaḡ~qḡḡaḡ) воспринимается как калька тюркского qḡḡ "песок", "пустыня", что зафиксировано народной этимологией термина кумин, сохранившейся в русской летописи: "Кумане рекше пол'овци иже исходят от пустыне". Так же воспринимался он и монголоязычными населенниками Большого Хингана, почему и появлялась монгольская его калька qḡḡaḡ. Но в данном случае слово лишено этого смысла.

Привлечение здесь столь разнородного материала вызвано объективной необходимостью учитывать, что в древности и средневековье названный регион был зоной активного этноязыкового взаимодействия и исторически последовательной транс-

формации этнических массивов (**юэцжи** – “**тохарский**” и **иранский** – **тюркский** – **монгольский**). В ее процессе основные элементы прежних космогонических представлений, видоизменяясь, передавались по наследству и подчас сохраняли часть предшествовавшего содержания и его лексические обозначения.

Термин *куйан* был одним из главных космогонических символов тинекратических семиплеменных юэцжи – “тохаров”, поклонявшихся божеству Луны. *Куйан* было названием царичьинской фамилии сюнну и сяньби. “Белыми” назывались *хиониты-эфталиты*. Тугукское управление, в ведение которого, наряду с другими тюрко-огузскими племенами, входили эдизы “высокие”, называлось Хуйан, а местожительством эдизов, ставших царичьинским (кагунским) племенем Первого и Второго тюркских каганатов, была долина торной реки Хуйан (*кит.* Хуаньту). С принятием манихейства в первой четверти VII в. они получили новое название аптак, шир и арсан. Куйан (~куйин) было названием “белых татар” Восточной Монголии в XIII–XIII вв. Куйан (~кыйан, форма мн. ч. кыйат) стало именем царского рода в государстве монголов.

При записи иноземного этнонима или важного понятия древние китайские канцеляристы в меру возможности старались соблюдают конфуцианский принцип соответствия имени его содержанию. Поэтому для передачи звучания чужого слова подбирались такие иероглифы, которые бы содержали информацию о самом народе или понятии, хотя это могло не иметь никакого отношения к конкретному значению самого транскрибируемого слова. Одним из вариантов китайской записи разбираемого термина было C5055, 15095 хэюнь (<ʔä-jüon <*ʔajun ~тайун) – “Мечный путь”. Так называлась местность Юебань, входившая в состав владений северного шаньюя сюнну в конце I в. н.э. Термин C12711, 10523 юебань (<iwät-ran) соответствует названию местности ürän/ürün эпитафии Биабге-кагана (стк. 26) [Бернштам, 1940, с. 76] и китайской же записи этнонима C3046, 10769 емянь (<iet-mien <*etmen ~ötmen?) в верхнем течении

Иртыша в VII в. [Shibatani, 1902, с. 131–133], сопоставляемого с названием местности Урбон близ реки Чаа-холь, левого притока Улуг-Хема. В сообщении о стране Юебань пятого столетия говорится, что это были племена, прежде находившиеся в ведении северного шаньюя. Под натиском отрядов ханьского генерала, колесниц и конницы Дюу Сянь, шаньюй перешел горы Цзиньвэй и бежал на запад в Канцзюй. Их язык и обычаи – тохарские-коча (*кит.* гаочэ <kau – tsia <коча, кхоча – само-название носителей западнотохарского языка). Они остригают головы наголо и подравнивают брови, моются трижды в день и лишь тогда принимают за пищу. Их маги могли вызывать ливни, наводнения и сильные бураны [Ли Яньшюу, гл. 97, с. 1292–1293, л. 146–15а].

Так называемые “северные” (т. е. не принявшие подданство государства Хань, находившегося от них на юге) сюнну разделились к востоку от центральных земель сюнну. Военная кампания против них, возглавляемая ханьским полководцем и царедрворцем Дюу Сянем (?–97 гг.) и военачальником Гэн Куем, закончилась в 91 г. Многочисленными стычками в разных местах она продолжалась три года, поэтому Фань Е был лишен возможности соединить разрозненные известия в связный и логично построенный непротиворечивый летописный рассказ о ней. Тем более, что сам автор “Истории династии Поздняя Хань, 25–220 гг.” жил и трудился в V в., через три с лишним столетия после отмеченных событий. Отсюда проистекают совершенно несходные заключения о их месте и значении в трудах современных исследователей [например: Франке, 1936–1937, с. 300–301; Matsuda, 1955, с. 17–19; Бернштам, 1951, с. 110; Малавкин, 1989, с. 124–127]. Не вызывает возражений лишь само (преувеличенно восторженное) заключение Фан Е: “Было приказано выступить в поход Дюу Сяню и Гэн Кую, которые, действуя хитростью и составляя удивительные планы, соединились и, двинувшись разными дорогами, неожиданно напали на логово шаньюя. Они преследовали разбитых и бегущих более трех